

Глава 15

Имя

Су Лин лениво перекатывал на ладони два ляна и пять цяней серебра; кусочки металла с негромким перестуком бились друг о друга.

Он перевёл взгляд на своего раба. Юноша осмотрел волевой разворот плеч, задержался на спокойном, глубоком взгляде тёмных глаз и вдруг почувствовал, как в нём просыпается любопытство. Кем был этот человек до того, как попал к нему?

Как ни посмотри, тот совсем не походил на местных невольников. В нём чувствовалось нечто иное, отличное даже от жителей города Цинши — некая сдержанная сила, присущая скорее чужеземцам.

— Как же ты оказался в рабстве? — спросил Су Лин.

— Очнулся уже в клетке, — последовал краткий ответ.

«Похоже на почерк похитителей людей из дальних краёв», — подумал юноша.

Он вспомнил, что поначалу говор мужчины казался немного странным, словно слова давались ему с трудом, но теперь его речь почти не отличалась от местной. Поглаживая пальцами прохладный металл, хозяин дома немного помолчал, а затем снова склонил голову набок, глядя на собеседника:

— А откуда ты родом?

Взгляд Девятнадцатого на миг дрогнул. Он поднял голову, глядя на полную луну, зависшую над горными пиками. Ночной ветер гулял по двору, принося с собой свежесть и аромат леса; на душе было на редкость покойно.

— Я не из этих мест, — уклончиво проговорил он.

Опять туманный ответ. Впрочем, под серебристым светом луны Су Лин был в благодушном настроении и не стал придирается.

Он понимающе кивнул:

— Оно и видно. «Девятнадцатый» — это твоё место в семье?

— Всего лишь прозвище.

Мужчина говорил ровным, бесстрастным тоном, но Су Лин уловил в нём скрытую отстранённость. Это было не пренебрежение, а полное отсутствие привязанности к тому месту, где ему дали это имя.

— Ты не хочешь возвращаться? — осторожно спросил юноша.

— Нет. Здесь хорошо, — просто ответил Девятнадцатый.

Хозяин и сам видел, что тому по душе такая жизнь. С самого первого дня раб не выказывал ни тени стеснения; он по-хозяйски обустроивал всё вокруг, чинил и убирал старое жильё, словно прожил здесь вечность. Хотя он и оставался немногословным, Су Лин чувствовал — эта простая, размеренная жизнь ему в радость.

— А фамилия у тебя есть?

— Нет.

«Совсем нет?»

Су Лин посмотрел на невозмутимого помощника, и в сердце кольнула жалость. Ему казалось, что прошлое этого человека было безрадостным, раз у него не осталось даже фамилии. В их деревне имена могли быть какими угодно — чаще всего детей просто звали по порядку рождения, — но фамилия была у каждого. Она была корнем, связью с предками, знаком того, что человеку есть куда вернуться.

А у этого мужчины не было ничего.

— Знаешь что, — Су Лин решительно посмотрел на него. — Бери мою фамилию. И не называй себя больше этим «Девятнадцатым», точно ты последний в ряду. Будешь Первым. Самым главным.

В глазах Су И вспыхнул едва заметный огонёк — редкий признак эмоций для этого молчаливого человека.

Су Лин кашлянул и напустил на себя высокомерный вид, хотя голос его предательски потеплел:

— Раб — собственность господина. Носить фамилию хозяина — великая честь. Я позволяю тебе это только потому, что в последние дни ты вёл себя прилежно.

— Хорошо, — негромко ответил мужчина.

Глядя на Су Лина, чьи одежды были в заплатах, но чей взгляд сиял гордостью, тот едва заметно улыбнулся.

Юноша подпёр щеку ладонью и задумчиво пробормотал:

— «Су Первый»... звучит как-то не очень. Подумают ещё, что твой хозяин совсем необразованный.

«Разве это достойно человека, который потратил столько серебра на книги?»

Су Лин всмотрелся в суровый, безупречно очерченный профиль.

— Пусть твоё имя будет И. «Су И».

— И?

— Именно. И, — юноша подобрал камешек и принялся чертить на земле иероглиф «И». — Ты твёрдый и острый, точно добрый тесак. Су И.

— Су И... — повторил мужчина, пробуя имя на вкус. В его глазах отразился мягкий лунный свет.

Су Лин довольно заулыбался:

— Звучит красиво, правда? Сразу видно — учёный человек придумывал.

— Да. Мне нравится, — подтвердил Су И.

— Ещё бы! Я ведь не просто так со Сюцаем Юанем грамоту учил.

Правда, после того как учёный научил его читать и писать, Су Лин не стал забивать голову скучными канонами, предпочитая им увлекательные истории о духах. Юноша улыбнулся так широко, что показались ровные белые зубы; в этот миг он выглядел совсем как озорной мальчишка.

— Су И!

— М?

Су Лин с детским восторгом повторял новое имя, смакуя каждый слог. Собеседник терпеливо откликался на каждый зов, глядя на сияющие глаза своего «котёнка». В этот миг лунный свет казался необычайно нежным.

Сяо Хэй, развалившийся на каменных ступенях, лениво наблюдал за ними, изредка помахивая хвостом, чтобы отогнать назойливых комаров. Раньше, когда дом пустовал, мошкары здесь почти не было, но стоило развести очаг, как кровососы почуяли добычу.

— Завтра ходим в лес, — распорядился Су Лин. — Наберём полыни, наделаем окуривающих жгутов.

Под жарким солнцем трава высохнет за пару дней. Он подбросил на ладони серебро:

— У тебя два с половиной ляна, у меня три. Итого — пять лянов. Нужно хорошенько подумать, как их приумножить. Черепицу на этом старом доме не меняли лет десять, не меньше. В пристройке крышу и вовсе проломило упавшим деревом. Стоит пойти дождю, и мы тут все поплывём. А ещё завтра нужно зайти к старосте, — продолжал он. — Зарегистрируем тебя как охотника, чтобы всё было по закону.

Су Лин болтал без умолку, а Су И молча слушал, впитывая его слова. Постепенно стрекот цикад начал стихать — ночь вступала в свои права.

С мытьём у них тоже возникали сложности. Юноша привык мыться в задней пристройке в полной темноте, вздрагивая от каждого шороха. Он не то чтобы опасался Су И, просто ему было не по себе от присутствия в доме мужчины; порой даже шелест бамбуковой рощи заставлял его сердце биться чаще, поэтому он всегда заканчивал свои водные процедуры в большой спешке.

Для Су И всё было проще: он дожидался, пока хозяин уснёт, и просто обливался холодной колодезной водой прямо во дворе.

На следующее утро Су Лин снова проснулся от дразнящего аромата еды.

Спускаясь с кровати, он совсем забыл о вчерашнем ушибе. Стоило ему по привычке резко встать на ноги, как колено прошила острая боль, и он с глухим стуком повалился на пол.

— Ш-ш-ш... — прошипел юноша, морщась.

Усевшись на край постели, он осторожно закатал штанину. Колено сильно распухло, на коже расцвёл багрово-синий синяк. Су Лину вдруг стало ужасно жалко себя — то ли от боли, то ли от неожиданности, в глазах заблестели слёзы.

Су И, вошедший в комнату, застал его именно в этот момент — нахохлившегося, точно обиженный котёнок. Заметив опухшее колено, мужчина подошёл ближе и опустился на корточки:

— Распухло.

Су Лин торопливо попытался одернуть штанину и сердито отвернулся:

— Сам вижу, не слепой! И вообще... — он вспыхнул от смущения, — выйди отсюда!

Если бы не этот упрямец, он бы никогда не заработал этот синяк.

Су И перехватил его руку, не давая закрыть колено:

— Грубая ткань будет только сильнее натирать ушиб. Давай помогу, — спокойно предложил он.

Ему хотелось просто поднять это хрупкое создание на руки, но, видя, как мечет искры взгляд Су Лина, он решил не подливать масла в огонь.

— Обойдусь без твоей помощи! — огрызнулся юноша. — Проваливай, кто тебя вообще звал?!

У этого человека совершенно нет чувства такта. Разве можно мужчине вот так врваться в спальню к гээру? Впрочем, Су Лин сам был виноват — сгоряча купил себе раба. Ему было крайне неприятно сидеть перед посторонним с обнажённой ногой, но он понимал — Су И не отступит.

«Ладно уж, какая теперь разница»

В деревне многие гээры работали в поле плечом к плечу с мужчинами, подворачивали штаны, переходя реку вброд. Правда, чаще всего это были семейные люди, а незамужние старались избегать подобного.

Убедив себя, что в этом нет ничего предосудительного, Су Лин, прихрамывая и морщась, выбрался во двор.

На большом камне уже стояла тарелка с горячими яичными рулетами. Золотистое тесто скрывало сочную начинку из моркови и шпината; капли ароматного соуса стекали с края, выглядя невероятно аппетитно.

А возле колодца на этот раз вместо ивовой веточки лежала совершенно новая щётка. Заметив недоумение хозяина, Су И подал ему ковш с водой и саму принадлежность. Су Лин взял её в

руки. Это была изящная вещица с деревянной ручкой и натуральной щетиной.

— Она же медяков двадцать стоит, не меньше, — пробормотал он. — За эти деньги можно целый цзинь жирной грудинки купить.

Су И ничего не ответил, лишь протянул маленькую синюю бутылочку с зубным порошком. Такая безделушка тянула ещё на тридцать медяков.

— А себе ты купил?

— Мне и веточки тополя хватит, — отозвался Су И.

— Хм. Ты сказал, что вчера продал молодого оленя?

— Да.

— И сколько выручил?

По логике, такая добыча должна стоить около двадцати лянов. Почему же тогда помощник экономит даже на такой мелочи, как щётка?

— Шесть лянов, — ответил Су И, и в его низком голосе послышались нотки гордости.

Су Лин замер, глядя на этого внушительного мужчину, которого так безбожно обвели вокруг пальца, а он ещё и радуется.

— Мало? — Су И нахлебнулся восторгом. — В торговой гильдии я видел, что людей продавали по три ляна. Шесть лянов за оленя — разве это не много?

Юноша смотрел на него, не зная, что и сказать. У этого человека совершенно не было опыта жизни среди людей; он не имел ни малейшего представления о ценах.

«Святые боги... Кажется, я купил себе дурачка»
